

ДВЕ ЗАГАДКИ ИЗ БИОГРАФИИ ЛЬВА ТОЛСТОГО

1. Кто из жандармских генералов сказал Льву Толстому фразу, ставшую впоследствии крылатой?

Если открыть первый том книги секретаря и биографа писателя Н. Н. Гусева «Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого», то в хронике событий за 1888 год читаем: «*Январь, начало*. Узнав об аресте М. А. Новоселова, Т[олстой] отправился к начальнику Московского жандармского управления и заявил ему, что преследования за распространение статьи „Николай Палкин“ должны быть прежде всего направлены против него как автора статьи, в ответ на что жандармский генерал Слезкин заявил ему: „Граф! Слава Ваша слишком велика, чтобы наши тюрьмы могли ее вместить“». При этом дается ссылка на воспоминания народника-толстовца Л. П. Никифорова «Воспоминания о Л. Н. Толстом», впервые опубликованные в 1929 году¹.

Фраза, сказанная жандармским генералом, стала литературной аксиомой и, как это нередко бывает в науке, перекочевала в монографии и научные статьи толстоведов².

Личность генерала Ивана Львовича Слезкина меня заинтересовала, и я решил написать о нем статью в энциклопедию «Лев Толстой и его современники» (Вып. 5), которая готовилась к печати. В именном указателе к 90-томному Полному собранию сочинений

Владимир Николаевич Чисников родился в 1948 году в г. Шахтерске Донецкой области, доктор юридических наук, доцент, полковник милиции в отставке. Почти 30 лет прослужил в органах внутренних дел на следственно-оперативной и преподавательской работе, ныне главный научный сотрудник ГНИИ МВД Украины. Проживает в г. Бровары Киевской области. Автор, соавтор, составитель и редактор более 900 публикаций по историко-правовой проблематике, один из ведущих специалистов по истории профессионального сыска. Более сорока лет занимается исследованием темы «Лев Толстой под надзором тайной полиции». Участник Международных Толстовских чтений, Международных Толстовских конгрессов и Толстовских правовых чтений. Печатался в журналах «Наука і суспільство», «В мире спецслужб» (Киев), «Новый журнал», «Нева» (Санкт-Петербург), «Законность», «Шпион», «Оперативник (сыщик)» (Москва), «Толстовский сборник», «Приокские зори», «Тульский краеведческий альманах» (Тула), один из авторов энциклопедии «Лев Толстой и его современники» (Вып. 3 и 4).

¹ Гусев Н. Н. Летопись жизни и творчества Льва Николаевича Толстого (1828–1890). М., 1958. С. 684.

² См.: Опульская Л. Д. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии с 1886 по 1892 год. М., 1979. С. 38–39; Петров Г. И. Отлучение Льва Толстого от церкви. М., 1978. С. 21; Чисников В. Н. Л. Н. Толстой и С. В. Зубатов. Русская классика: проблемы интерпретации. Материалы XI Барышниковских чтений. Липецк, 2002. С. 82.

Л. Н. Толстого (Юбилейное издание) его фамилия не значилась. Просматривая материалы биографии жандармского генерала, я обратил внимание на дату его смерти — **31 декабря 1882 года**. Получалось, что генерал Слезкин не мог в **январе 1888 года** произнести эту знаменитую фразу, так как на то время его уже пять лет не было в живых.

Пришлось начать поиски загадочного жандармского генерала. Сначала обратился к первоисточнику — воспоминаниям Л. П. Никифорова. Читаю: «Известен ответ генерала, *кажется* Слезкина: „Граф, слава ваша...“»³ (курсив мой. — В. Ч.). Как видим, автор воспоминаний сам не был до конца уверен, что эту фразу произнес именно генерал Слезкин. Тем не менее никто из последующих литературоведов не усомнился в надежности этого утверждения.

Дальнейшие поиски показали, что Н. П. Никифоров не был первым, кто сообщил читательской публике ответ жандармского генерала, сказанный Льву Толстому. Еще за 14 лет до выхода указанных воспоминаний другой толстовец Исаак Файнерман (псевдоним Тенеромо) в своей книге воспоминаний, в рассказе «Палкин», пишет: «Помню... когда этот очерк („Николай Палкин“. — В. Ч.) был отгектографирован и выпущен в свет одним из друзей Л. Н-ча, издание было конфисковано, а издатель посажен в тюрьму. Тогда Л. Н., мучимый совестью, пришел к жандармскому генералу в Москве и просил его отпустить издателя, а посадить в тюрьму его, Льва Николаевича, потому что он в этом виноват, он желал издать эту вещь. Генерал улыбнулся и ответил: „Ваша литературная слава, граф, так широка, что она не может влезть в ворота тюрьмы“»⁴.

Следует предположить, что Никифоров в своих воспоминаниях позаимствовал этот эпизод из книги Файнермана, немного перефразировал ответ генерала и для убедительности добавил, что это был, *вероятно*, генерал Слезкин.

Теперь предстояло выяснить самое главное: «Кто был в январе 1888 года начальником Московского Главного жандармского управления?»

Мои дилетантские поиски в Интернете (с компьютером я на «вы») положительных результатов не дали. Пришлось обращаться за помощью к моим давним московским друзьям-архивистам. Через некоторое время получаю долгожданный ответ: Московским ГЖУ с 1882-го по 1891 год руководил генерал-майор Николай Акимович Середа, сменивший на этом посту генерал-лейтенанта Слезкина.

Справедливости ради следует сказать, что, собирая материалы о генерале Середе, я установил, что еще в 2013 году петербургская литературовед А. Ф. Векслер, исследовавшая историю жизни пяти поколений Слезкиных, утверждала, что И. Л. Слезкин не мог произнести фразу, сказанную Льву Толстому «в ответ на предложение писателя арестовать его вместо М. И. Новоселова». Указывала она и преемника Ивана Львовича — генерала Н.А. Середу⁵.

Будущий жандармский генерал Середа родился в Оренбурге 3 февраля 1838 года. Его отец Аким Иванович Середа (1797—1851) происходил из небогатой дворянской семьи, проживавшей в Полтавской губернии. В последние годы жизни он был вятским губернатором (1843—1851), действительным тайным советником. М. Е. Салтыков-Щедрин, служивший одно время под его началом, с большим уважением писал о губернаторе Середе. Именно последний был прототипом генерала Голубовицкого — одного из немногих положительных героев в «Губернских очерках» писателя.

Получив начальное домашнее образование, Николай поступил в Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, где числился как Середа 1-й. Дело в том, что двумя клас-

³ Никифоров Л. П. Воспоминания о Л. Н. Толстом. Л. Н. Толстой в воспоминаниях современников. Изд. 2-е. В 2 т. Т. 1. М. С. 328.

⁴ Тенеромо И. Живые речи Л. Н. Толстого (1885—1908 г.). Одесса, 1905. С. 183.

⁵ Векслер А. Ф. Пять поколений Слезкиных. VI Анциферовские краеведческие чтения. 6—7 февраля 2013 г. СПб., 2014. С. 77.

сами младше учился его родной брат и полный тезка Николай Акимович, которого указывали как Середа 2-й. Кадетский корпус Николай Середа 1-й окончил в 1857 году по первому разряду. В своем выпуске он оказался лучшим выпускником, и его имя было занесено на мраморную доску учебного заведения. Первым местом службы бывшего кадета стала после получения звания хорунжего конноартиллерийская батарея Оренбургского казачьего войска.

Спустя четыре года Николая Середу назначили старшим адъютантом при главном начальнике Уральских горных заводов (1861—1863). За отличие в службе в мае 1861 года он был произведен в чин поручика. Служил также адъютантом при командире Отдельного Оренбургского корпуса (1864—1865) и при командующем войсками Киевского военного округа (1865—1869). После окончания Военно-юридической академии (1871) занимал судебские должности: военный судья Казанского, Харьковского и Варшавского военно-окружных судов (1871—1877). Успешно продвигаясь по служебной лестнице, исполнительный и инициативный молодой офицер почти все свои воинские звания получал досрочно: штаб-ротмистр (1863), ротмистр (1866), майор (1867), подполковник (1870), полковник (1873).

Полковник Середа — участник русско-турецкой войны 1877—1878 годов, а после ее окончания — военный прокурор Варшавского военно-окружного суда (1878—1882). В сентябре 1882 года назначен начальником Московского ГЖУ, сменив на этом посту генерал-лейтенанта И. Л. Слезкина⁶. За отличие по службе в мае 1883 года получил звание генерал-майора.

В июле 1891 года генерал-майор Середа занял должность начальника Лифляндского (Рижского) ГЖУ, которую занимал более шести лет, до самой своей кончины. В 1897 году ему было присвоено звание генерал-лейтенанта. Скончался в Риге 8 октября 1897 года. Что касается семейного положения генерала, то он был женат и имел сына.

За отличия по службе Николай Акимович был награжден орденами: Св. Станислава III степени (1863), Св. Станислава II степени (1873), Св. Анны II степени (1878), Св. Владимира IV степени (1881), Св. Владимира III степени (1887), Св. Станислава I степени (1894), болгарский орден Св. Александра II степени (1892), персидский орден Льва и Солнца I степени (1889)⁷.

С Львом Толстым генерал Середа, будучи начальником Московского ГЖУ, познакомился в январе 1888 года при следующих обстоятельствах. В конце 1887 года десятки москвичей стали обладателями нелегально отпечатанного на гектографе рассказа Л. Н. Толстого «Николай Палкин», поражавшего своей неприкрытой ненавистью к коронованным особам и к самодержавию в целом. Это был один из вариантов нового сочинения, еще не завершеного автором. С чувством нескрываемого отвращения писатель говорил о Петре I, называя его «беснующимся, пьяным, сгнившим от сифилиса зверем»⁸. Резкую характеристику получили и императрица Екатерина II — «мужеубийца, ужасающая своим развратом блудница»⁹, и Николай I, которого народ за его жестокость окрестил «Палкиным».

Распространителем «Николая Палкина» был знакомый Льва Николаевича, в то время горячий его последователь, молодой преподаватель московской гимназии Михаил Новоселов. Получив в черновой рукописи недавно написанный рассказ писателя, он переписал его, а затем без согласия автора размножил на гектографе и передал своим друзьям и знакомым. Среди «друзей» оказался и телеграфист московского телеграфа

⁶ Линдер И. Б., Чуркин С. А. Спецслужбы мира за 500 лет. М., 2013. С. 621.

⁷ Список генералов по старшинству на 1896 г. СПб., 1896. С. 501.

⁸ Толстой Л. Н. Полн. соб. соч. (Юб. изд.). Т. 26. С. 568.

⁹ Там же. С. 569.

Сергей Зубатов, который в списках московского охранного отделения числился секретным сотрудником под оперативным псевдонимом «Лебедев».

27 декабря 1887 года жандармы во время обыска в квартире Новоселова обнаружили около 30 экземпляров «Николая Палкина». На допросах в охранке арестованный «толстовец», пытаясь уйти от ответственности, заявил, что указанную брошюру он получил от графа Льва Толстого и оттектографировал ее по желанию последнего. Со слов Новоселова, большую часть изготовленных экземпляров он передал писателю, и только немногие были распространены среди его друзей и знакомых.

Согласно закону, автор «сочинения возмутительного содержания» Л. Н. Толстой подлежал привлечению к уголовной ответственности. Однако начальник Московского ГЖУ генерал Середя не решился на свой страх и риск принимать такое ответственное решение самостоятельно и запросил инструкции у руководства Департамента полиции. Там тоже не рискнули брать на себя ответственность и направили доклад министру внутренних дел Д. А. Толстому. Министр в свою очередь решил «испросить высочайшего одобрения у царя», представив ему 14 января 1888 года на утверждение доклад.

Излагая обстоятельства дела Новоселова и его показания о «Николае Палкине», глава МВД, в частности, писал: «Автор упомянутой брошюры „Николай Палкин“ подлежал бы по закону преследованию за составление противоправительственного сочинения. Принимая, однако, во внимание, что гр. Л. Н. Толстой, несомненно, писал ее вне каких либо преступных связей и намерений исключительно под влиянием религиозного фанатизма, и что привлечение его к дознанию вызвало бы совершенно нежелательные толки и последствия, казалось бы, наиболее целесообразным не привлекать графа Льва Толстого к возбужденному о Новоселове дознанию». Александр III, согласившись с предлагаемыми мерами, утвердил доклад, и спустя два дня, 16 января, Департамент полиции направил начальнику Московского ГЖУ извещение (за № 97), что в отношении графа Толстого «н и к а к и х с л е д с т в е н н ы х д е й с т в и й (курсив Департамента полиции) по отношению названного литератора» (то есть Л. Н. Толстого) «принимать не следует»¹⁰.

Хочу обратить внимание читателя еще на одно спорное обстоятельство: когда именно в январе 1888 года Лев Толстой посетил генерала Середу? Н. Н. Гусев, как мы знаем, пишет, что эта встреча произошла в *начале* января, а А. Ф. Векслер, кстати, называет другую дату — декабрь 1887 года. Нам же представляется, что писатель посетил Московское ГЖУ после 16 января, то есть после получения генералом из Петербурга указания не привлекать Толстого к дознанию по делу Новоселова. Поэтому логично предположить, что генерал Середя, будучи осведомлен о принятом решении в отношении писателя, и произнес фразу, ставшую впоследствии крылатой. Сказать ее ранее 16 января он вряд ли бы решился.

Таким образом, есть все основания считать, что знаменитую фразу: «Граф! Слава ваша слишком велика, чтобы наши тюрьмы могли ее вместить» — произнес не генерал Слезкин, как до недавнего времени утверждалось толстоведами, а его преемник на посту начальника Московского ГЖУ жандармский генерал Николай Акимович Середя.

2. Был ли среди яснополянской прислуги агент охраны?

12 ноября 1906 года. Ясная Поляна. После завтрака в большом зале графского особняка, обставленного старинной семейной мебелью из красного дерева, собрались домашние и гости Льва Николаевича Толстого. Слушали музыку, играли в шахматы, об-

¹⁰ Н-ский Б. Л. Н. Толстой и департамент полиции. Былое, 1918, № 3(31). С. 212–213.

суждали новости. За круглым столом посредине зала сидел и семидесятивосьмилетний глава семейства, одетый в традиционную фланелевую рубашку, подпоясанную старым кожаным ремешком.

Зашла речь об «Очерках жизни и деятельности Герцена, Огарева и их друзей», опубликованных историком М. К. Лемке в апрельском номере журнала «Мир Божий». Свое мнение об этой публикации Лев Николаевич выразил еще накануне своему другу, доктору Д. П. Маковицкому, подчеркнув, что «Очерки» состоят преимущественно из бумаг Третьего отделения и губернаторских канцелярий, которые дополняют и проверяют сказанное Герценом и Огаревым о себе.

На этот раз Толстой снова заговорив об «Очерках».

— Прекрасно составлено, до какой степени это интересно!

— А вы, Лев Николаевич, лично Огарева знали? — спросил кто-то из присутствующих.

— Да, знал, видел его у Герцена в Лондоне.

На какое-то мгновение наступила тишина. Затем Толстой, словно вспоминая далекий 1861 год, сказал:

— Кто хочет писать биографии политических деятелей, пусть только справится в архиве Третьего отделения. Жандармы описывали подробно¹¹.

Известный толстовед Б. С. Мейлах в книге «Уход и смерть Льва Толстого» пишет: «В течение многих лет, до самой смерти Толстого, охранка следила за ним... К агентурной деятельности был привлечен кое-кто из обслуживающего персонала в доме Толстого. Об этом свидетельствует одно из дел секретного стола канцелярии Тульского губернатора. Агентурные донесения 1909 года, сохранившиеся в этом деле, с несомненностью подтверждают, что многие из сообщенных сведений могли быть даны только теми, кто был круглосуточно осведомлен обо всем, что происходило в доме. Таково, например, донесение о том, что вечером 13 декабря [1909 г.] граф Л. Н. Толстой катался верхом на лошади и, возвратившись домой, почувствовал озноб, ночью температура у него повысилась до 40 градусов. И другие донесения того же 1909 года подробно говорят о самочувствии Толстого, регистрируют данные о нем со всеми деталями»¹².

Об агентах, которые «скрывались даже среди яснополянской домашней прислуги», вспоминает также писатель М. К. Касвинов в книге «Двадцать три ступени вниз». В качестве примера он приводит такой случай. Когда однажды за семейным столом писатель сказал: «Времена царей кончаются», то «первым за пределами Ясной Поляны узнал об этом через тайную полицию Николай II»¹³. К сожалению, автор не дает ссылку на цитируемый источник.

Неужели в Ясной Поляне действительно находился агент охранки? Если так, то почему его имя до сих пор не раскрыто? Почему никто из литературоведов не выяснил этот факт? Ведь малейшая деталь в биографии великого писателя позволяет проникнуть в волшебный мир гения, которого Максим Горький назвал «самым сложным человеком среди всех крупнейших людей XIX столетия»¹⁴.

Мысль о яснополянском агенте охранки не давала мне покоя. Кто он? Что заставило человека, которому выпало счастье ежедневно находиться рядом с Толстым, сообщать обо всем услышанном и увиденном тайной полицией? Вопрос порождал профессиональный интерес автора, юриста по образованию, которому по роду службы приходилось расследовать уголовные дела¹⁵.

¹¹ Литературное наследство. Т. 90. У Толстого. 1904—1010. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Кн. 2. М., 1979. С. 301.

¹² Мейлах Б. С. Уход и смерть Льва Толстого. М., 1979. С. 138.

¹³ Касвинов М. К. Двадцать три ступени вниз. М., 1982. С. 112.

¹⁴ Горький М. Литературные портреты. М., 1963. С. 180.

¹⁵ Речь идет о начале 90-х годов, когда автор работал ст. следователем Броварского ГОВД Киевской обл.

Однажды, возвращаясь со службы домой, я подумал: «А что если провести собственное расследование событий, происходивших почти столетие назад, и самому выяснить личность полицейского информатора?» Так у меня дома на письменном столе появилась папка с надписью: «Дело о яснополянском агенте охраны».

В первую очередь, так же как и при расследовании любого уголовного дела, надо составить план. Во-первых, единственным отправным пунктом в поиске может стать почерк агента или его оперативный псевдоним. Ведь свои сообщения секретные сотрудники (сексоты) нередко писали собственноручно, а почерк, как известно, у каждого человека индивидуальный. Во-вторых, каждому агенту для конспирации присваивали псевдоним и на каждого из них заводили личное дело, в котором указывалась его настоящая фамилия.

Итак, план моих первоначальных поисков предусматривал всего три пункта:

1. Найти образцы почерка секретного агента, который находился среди яснополянской прислуги, и установить его псевдоним.

Для этого прежде всего надо разыскать архивное дело, о котором упоминает Б. С. Мейлах. Сделать это нетрудно, ведь автор в примечаниях ссылается на «Дело канцелярии Тульского губернатора секретного стола» за 1909 год, которое хранится в рукописном отделе Государственного музея Л. Н. Толстого в Москве.

Далее следует выяснить, какие документы там хранятся — агентурные *сообщения* или агентурные *записки*. Это имеет принципиальное значение. Дело в том, что названные оперативные документы охраны отличались по форме составления. Агентурные сообщения, как правило, секретные сотрудники писали собственноручно, а агентурные записки составлял жандармский офицер после встречи со «своим» человеком. Псевдоним агента указывался и в сообщении, и в агентурной записке.

Если повезет найти в деле агентурное сообщение сексота, то образец его почерка будет установлен. Если же в деле будут одни агентурные записки, придется за псевдонимом искать документы в делах Департамента полиции.

2. Выяснить, кто из домашней прислуги Толстых находился в Ясной Поляне в 1909 году.

По воспоминаниям современников, домашняя прислуга Л. Н. Толстого была малочисленной, и если учесть, что Софья Андреевна Толстая очень добросовестно вела хозяйственные расчеты, то по записям можно установить весь состав прислуги в яснополянской усадьбе.

3. Разыскать образцы почерка яснополянской домашней прислуги.

Эта задача виделась наиболее сложной, но была надежда, что их удастся найти в хозяйственных книгах Софьи Андреевны. Таким образом, если будут выполнены все три пункта плана, то выяснением личности агента займутся эксперты-графологи.

И вот последнее уголовное дело на службе завершено. Наступил долгожданный отпуск. «Дело о яснополянском агенте охраны», которое неподвижно лежало в моем сейфе, позвало в дорогу.

...Москва, ул. Кропоткинская, 11. Государственный музей Л. Н. Толстого. Держу в руках «Дело № 390 канцелярии Тульского губернатора секретного стола «О состоянии здоровья графа Л. Н. Толстого». Все записи на обложке дела выполнены черной тушью каллиграфическим канцелярским почерком. В верхнем правом углу — гриф «*С(о-вершено) секретно*». Внизу: «Начато: *Декабря 14 дня 1909 г.* Кончено: *Ноября 29 дня 1914 г.*». Последняя дата удивила. Оказывается, состояние здоровья графа Льва Николаевича Толстого «беспокоило» полицейские власти, как ни странно, еще четыре года после его смерти! Впрочем, если вспомнить историю тайного сыска царской России,

то там можно отыскать факты и позабавнее. Например, тайный полицейский надзор за титулярным советником А. С. Пушкиным был снят лишь в 1875 году, то есть спустя... 38 лет после кончины поэта!

Заметим, что большинство документов, находящихся в деле, современному читателю малоизвестны¹⁶. Поэтому есть смысл некоторые из них изложить полностью, чтобы читатель имел возможность лично оценить их и вместе с автором разобраться в сути вопроса.

Итак, первым документом, послужившим основанием для заведения настоящего дела, стала совершенно секретная телеграмма тульского губернатора Д. Д. Кобеко от 14 декабря 1909 года. Адресовалась она крапивенскому уездному исправнику Голунскому. В телеграмме предписывалось в связи с болезнью писателя Л. Н. Толстого ежедневно доставлять губернатору «подробные сведения о состоянии здоровья графа (в случае необходимости секретными телеграммами)». При этом внимание исправника обращалось на то, что «получение означенных сведений и донесение таковых... отнюдь не должны подлежать огласке»¹⁷ (л. д. 1).

Думается, тульский губернатор, направляя данную телеграмму, руководствовался вовсе не человеколюбием к яснополянскому старцу. Его «забота» обуславливалась прежде всего служебной необходимостью: в случае смерти писателя своевременно принять неотложные предупредительные меры, чтобы не допустить беспорядков, демонстраций и иной «крамолы». Даже после смерти Толстой внушал царской администрации не меньший страх, чем при жизни.

Получив губернаторское предписание, уездный исправник Голунский на следующий день, то есть 15 декабря, докладывал губернатору рапортом: «Вечером 13 декабря граф Лев Николаевич Толстого катался верхом на лошади и, возвратившись домой, почувствовал озноб, ночью температура у него повысилась до 40 градусов, где-то около четырех часов был без сознания, потом температура начала спадать и ему стало лучше. Этого же дня температура почти нормальная, но граф все еще лежит в постели. *По словам его доктора*, у графа инфлюэнца с осложнением печени. Графиня, которая отсутствовала, возвратилась, дети графа собрались» (курсив мой. — В. Ч.) (л. д. 2).

Знакомые строки. Именно отрывок из этого документа Б. С. Мейлах цитировал как аргумент в пользу того, что такие сведения «могли быть даны только теми, кто был круглосуточно осведомлен обо всем, что происходило в доме». Однако это не агентурное сообщение, а обычный рапорт исправника! В нем Голунский прямо указывает на источник информации — домашнего доктора Толстых Душана Петровича Маковицкого.

Читаю «Яснополянские записки» Маковицкого и в записи от 13 декабря 1909 года нахожу: «Л. Н. ездил верхом в Овсянниково... Л. Н. в этот вечер заболел сильным припадком инфлюэнцы: температура 40, 4, дыхание — 35, пульс — 120»¹⁸.

Похожие записи. И если принять во внимание воспоминания секретаря писателя В. Ф. Булгакова, который писал, что «урядник без всякого стеснения шатался по Ясной Поляне, постоянно пытаясь разузнать у служащих и проживающих здесь лиц, кто бывал у Толстого, какие происходили „происшествия“ и т. д.»¹⁹, то вывод напрашивается сам собой.

¹⁶ Чисников В. «Имею честь донести...». Именем закона (Киев). 1992. 20 ноября (№ 47). Именно в этой статье впервые были опубликованы некоторые документы из этого дела.

¹⁷ Дело № 390 канцелярии Тульского губернатора секретного стола «О состоянии здоровья гр. Л. Н. Толстого» // РО ГМТ. Ссылки на листы дела даются в тексте статьи. Все даты приводятся по старому стилю.

¹⁸ Литературное наследство. Т. 90. У Толстого. 1904—1910. «Яснополянские записки» Д. П. Маковицкого. Кн. 4. С. 130.

¹⁹ Цит. по: Мейлах Б. С. Указ соч. С. 138.

Получив 14 декабря депешу губернатора, уездный исправник направил в Ясную Поляну урядника, и тот, учтиво поинтересовавшись у доктора Маковицкого о здоровье графа, без особых трудностей получил необходимые сведения, которые затем Голунский добросовестно изложил в своем рапорте губернатору.

А может быть, в деле есть копии агентурных записок, сообщений или другие документы, давшие основание Б. С. Мейлаху утверждать о секретном сотруднике охраны среди яснополянской домашней прислуги?

Следующим в деле подшит рапорт того же Голунского от 16 декабря. «Имею честь донести Вашему Превосходительству, — сообщал он губернатору, — что граф Лев Николаевич Толстой здоровьем настолько поправился, что уже может выходить» (л. д. 3).

Затем в полицейской переписке наступил некоторый перерыв. Видимо, здоровье Толстого не вызывало особого беспокойства. И только 23 июня 1910 года крапивенский уездный исправник отправил в Тулу рапорт, докладывая, что, по полученным сведениям, «граф Лев Николаевич Толстой, находясь в Серпуховском уезде, заболел. Однако, по собранному же секретным сведениям, оказалось, что он только нервно расстроен вследствие семейных недоразумений» (л. д. 6).

На протяжении июля—сентября тульский губернатор получил семь донесений крапивенского уездного исправника о выездах графа Толстого из Ясной Поляны и его возвращениях в свое имение. В них скрупулезно фиксировались все пункты пребывания Льва Николаевича и фамилии лиц, его сопровождавших. Слежку за писателем помогал осуществлять Голунскому также его помощник Виноградов. В рапорте от 5 октября он сообщал губернатору: «4 сего октября ночью граф Л. Н. Толстой заболел, послано за докторами в Тулу и Москву. Его проведаль 4 октября В. Г. Чертков, проживающий в Телятинках. Возле больного теперь находится сын его, который прибыл из Чернского уезда. Сергей Львович Толстой и дочь Александра вызваны матерью из своего имения Телятинок. Болезнь у графа, — высказывал свое предложение помощник исправника, — по-видимому, старческая, но точно еще не определена» (л. д. 14).

Спустя два дня в Крапивну поступила срочная шифровка из Тулы: «Крапивна исправнику. Телеграфируйте ежедневно состояние здоровья Толстого. Губернатор Кобеко» (л. д. 15). В дальнейшем связь между Тулой и Крапивной осуществлялась преимущественно шифрованными телеграммами. Необходимость такой оперативной связи была вызвана событием, которое всколыхнуло не только Россию, но и мировую общественность.

Выполняя указание начальства, исправник Голунский 9 октября направил на имя губернатора телеграмму с лаконичным текстом: «Доношу Вашему Превосходительству Толстой здоров» (л. д. 16). Успокоившись, исправник решил поубавить свое служебное рвение и требование губернатора ежедневно докладывать о самочувствии графа, видимо, счел необязательным. Спыхватился он только спустя три недели. И было от чего: Толстой пропал!

30 октября 1910 года на стол губернатора Кобеко легла срочная телеграмма: «28 октября Толстой по железной дороге тайно от семьи уехал неизвестно куда жена тонула пруде спасена исправник Голунский» (л. д. 17). В этот же день напуганный исправник поспешил отправить в Тулу и подробный рапорт об обстоятельствах отъезда Толстого, пытаясь запоздалой осведомленностью хоть в какой-то степени умалить свою вину. Однако нагоняя от начальства за допущенную оплошность ему пришлось ждать недолго.

1 ноября в адрес Голунского из Тулы поступила совершенно секретная депеша с гневным разносом. Тульский губернатор Кобеко, в частности, писал: «Об отъезде Толстого и об обстоятельствах, сопровождавших этот отъезд, мне стало известно из частных сведений и из повременных изданий гораздо ранее, чем от подчиненной мне полиции,

на которую, и, в частности, на Вас, мной возложено было иметь без особой огласки наблюдение за состоянием здоровья Толстого, так и за передвижениями, с неотлагательным донесениями о всем заслуживающем внимания.

На это обстоятельство, указывающее на полную небрежность Вашу в несении службы, на слабый надзор за подчиненными и на недостаточное руководство ими, обращаю Ваше внимание с предупреждением, что при сотворении чего-либо подобного дальнейшего служения Ваше станет невозможным» (л. д. 21).

А теперь порассуждаем. Допустим, что среди домашней прислуги в Ясной Поляне был агент охраны. Как бы он повел себя, узнав, что Толстой исчез? Безусловно, такую неординарную новость он бы постарался безотлагательно передать своему «куратору». И в этом случае губернатор Кобеко об уходе Льва Толстого узнал бы не через двое суток и не из «частных сведений и повременных изданий».

Не доверяя больше исправнику Голунскому, тульский губернатор поручает полицмейстеру г. Тулы капитану фон Вернеру отыскать следы исчезнувшего писателя с помощью профессионального сыщика. Выбор пал на помощника начальника Тульского сысканого отделения, коллежского регистратора Петра Алексеевича Жемчужникова. Перед ним ставилась задача не только выяснить место пребывания беглеца, но и осуществить дальнейшее негласное наблюдение за его передвижениями.

О том, как происходил розыск графа Л. Н. Толстого, Жемчужников изложил в своем рапорте тульскому полицмейстеру по возвращению в Тулу:

Его Высокоблагородию
Господину Полицмейстеру гор. Тулы
Помощника начальника Тульского сысканого отделения
коллежского регистратора Жемчужникова

Р а п о р т

В виду появившейся 30 октября сего года в местной газете «Тульской Молве» заметки о внезапном отъезде 28 октября из Ясной Поляны графа Л. Н. Толстого и об оставлении им неизвестного содержания письма, я вследствие личного приказа Вашего Высокоблагородия в тот же день утром выехал для собрания негласных сведений в Ясную Поляну. В продолжении дня в деревне Новой Колпне Ясенковской волости, на почте при станции Щекино, в селе Кочаках и в Ясной Поляне удалось узнать следующее: сын дворянина Черткова — Владимир Владимирович начальнику почты Седакову передал на словах приблизительное содержание оставленного Л. Н. Толстым на имя графини Софьи Андреевны письмо: «Благодарю за совместную 49-летнюю жизнь, но благодаря за последнее время сложившихся семейных обстоятельств, я с большим прискорбием покидаю Вас. Меня не ищите, все равно я не вернусь». О нем графиня узнала после отъезда графа.

Сейчас же сложилось мнение, что Л. Н. Толстой оставил Ясную Поляну не из-за одной лишь жены, но из-за Черткова, которому граф подарил дневник на каждый день за последние 10 лет, состоящий из 12 книг, с условием издавать таковой бесплатно, а если за деньги, то чтобы они шли на благотворительные цели. Между тем Чертков в распространял книги за деньги, каковые присваивал себе. Графиня Толстая, узнав об этом, вознегодовала на Черткова, продававшего ценный материал, добытый умом великого писателя.

Начальник почты Седаков в разговоре со мной высказал, что последний перевод за дневник на имя Черткова из Москвы от книгоиздателя «Посредник» был в сумме

451 руб. 25 коп., при этом Седаков передал мне пять книг дневника на каждый день Л. Н. Толстого. Им же были показаны телеграммы, посланные Александрой Львовской Толстой: 1) «Орел Курский вокзал. Толстому срочно. Не беспокойся принимай содержания телеграмм подписанные Александрой 28.10 в 1 час 5 мин. По полудни», 2) «Орел Курской графу Толстому срочно. Вернись скорей Саша, 28.10, в 1 час 20 мин. по полудни».

27 октября в 5 часов по полудни Л. Н. Толстого, возвращавшегося из Крапивны, встретили будто бы стражники с почтальоном, но зачем он там был, неизвестно. В Ясной Поляне управляющий Шумилин рассказывал при мне приставу Карякину, что Л. Н. Толстой выехал вместе с доктором Маковицким 28 октября в 5 часов утра с поездом № 9 со станции Козлово-Засека с билетом до станции Горбачево. Графиня Софья Андреевна, будучи этим нервно потрясена, бросилась с плота в пруд, откуда ее извлекли в бессознательном состоянии Александра Львовна, секретарь Булгаков и повар Румянцев, но Шумилин лично этого не видел.

О причине отъезда, содержании оставленного письма и что именно побудило графа внезапно выехать, Шумилин или сам не знал, или же умалчивал; он лишь заявил, что собравшаяся, исключая Льва Николаевича, семья вновь разъехалась, видимо, на поиски Льва Николаевича. Остались дома лишь графиня Софья Андреевна, дочь Татьяна Львовна и Андрей Львович, причем Софья Андреевна лежит больна и никого положительно к себе не принимает.

Дочь Шумилина Марья, вернувшись со службы из библиотеки, рассказала, что Андрей Львович сегодня утром прямо-таки выгнал из дома корреспондента «Русского Слова» Куприянова за то, что в «Тульской Молве» появилась заметка об уходе Л. Н. Толстого. 27 октября вечером в доме Л. Н. Толстого собравшиеся на какое-то заседание Чертков, какая-то дама в поддевке и домашние свои, по настоянию Софьи Андреевны, были вынуждены разойтись. Более подробных сведений на месте собрать не удалось... (л. д. 81).

Как видим, в рапорте сыщика Жемчужникова нет ни малейших намеков на получение информации от кого-то из домашней прислуги писателя.

Таким образом, изучив материалы указанного дела, можно сделать вывод, что в рассматриваемый период среди яснополянской прислуги Толстого не было лица, которого бы тайная полиция использовала в качестве секретного сотрудника. Хотя, надо сказать, царская охранка на протяжении длительного времени пыталась внедрить своих агентов в окружение Толстого, засылая их из Тулы, Москвы и даже из Санкт-Петербурга²⁰.

²⁰ См.: Чисников. В. «Я под присмотром тайной полиции...» (Л. Н. Толстой и спецслужбы). Нева. 2017. № 9. С. 194–217.